

ПАНПСИХИЗМ В ПОИСКАХ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ*

Гаспаров Игорь Гарибович – кандидат философских наук, доцент.

Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко.
Российская Федерация, 394036, Воронеж,
Студенческая ул., д. 10;
e-mail: gasparov@mail.ru

Данный текст посвящен обзору книги *Panpsychism: Contemporary Perspectives* [Brüntrup, Jaskolla, 2017]. В рецензии предлагается детальный обзор и критический анализ недавнего сборника эссе, посвященных различным аспектам современного панпсихизма, который был издан немецкими философами Годехардом Брюнтрупом и Людвигом Ясколлой. Среди авторов известные специалисты в области аналитической философии сознания: Дэвид Чалмерс, Гален Стросон, Грег Розенберг. Отличительной особенностью данного сборника является то, что в нем представлены не только хорошо известные отечественному читателю подходы к решению проблемы сознания, каковыми являются физикализм или дуализм, но и более экзотические для современной философии позиции, как, например, идеализм или космопсихизм.

Ключевые слова: панпсихизм, физикализм, дуализм, философия сознания, аналитическая философия

PANPSYCHISM IN THE SEARCH OF A SELF-DEFINITION

Igor G. Gasparov – PhD in Philosophy, associate professor.
Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko.
10 Studencheskaya St.,
Voronezh, 394036, Russian Federation;
e-mail: gasparov@mail.ru

This is a review of the book by Brüntrup & Jaskolla (eds.) *"Panpsychism: Contemporary Perspectives"* (Oxford University Press, 2017). The author provides a detailed overview and critical analysis of a recent volume which is dedicated to different aspects of contemporary panpsychism. Among its authors are prominent experts in analytic philosophy of mind such as David Chalmers, Galen Strawson, Gregg Rosenberg. A distinguished feature of this volume is that it presents not only well-known positions in philosophy of mind such as physicalism or dualism, but also such exotic for the contemporary debate stances as idealism or cosmopsychism.

Keywords: panpsychism, physicalism, dualism, philosophy of mind, analytic philosophy

В последнее время среди философов, занимающихся проблемой сознания, возрос интерес к позиции, обозначаемой термином «панпсихизм». Одним из проявлений этого интереса стал выход объемного сборника эссе, посвященных проблемам, связанным с панпсихизмом, под редакцией двух немецких исследователей Годехарда Брюнтрупа и Людвиг Ясколлы [Brüntrup, Jaskolla, 2017]. Он объединил под одной обложкой работы 15 авторов, среди которых можно встретить как философов, чьи имена хорошо известны российскому читателю, так и тех, с кем он практически незнаком. К числу наиболее известных

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00840 «Тождество личности и проблема ответственности субъекта».

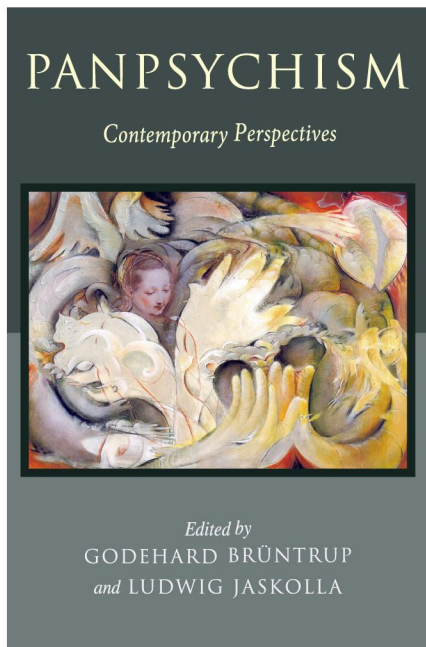

участников сборника, бесспорно, относятся Дэвид Чалмерс, – его перу принадлежат сразу две статьи, представленные в сборнике, и Гален Стросон. Однако, независимо от степени известности автора, каждое из 16 включенных в сборник эссе представляет несомненный интерес.

Чем же вызвано внимание современных философов сознания к панпсихизму? В качестве причин возрождения философского интереса к древнему тезису о том, что ментальное представляет собой изначальную и повсеместную характеристику всего сущего, следует назвать, во-первых, то, что многие философы не видят перспектив решения проблемы феноменальных

аспектов сознания, или, как ее называет Чалмерс «трудной проблемы сознания», в рамках физикалистской или функционалистской парадигм. Во-вторых, то, что лишь немногие философы полагают, что неспособность физикализма или функционализма удовлетворительно решить «трудную проблему» сознания означает окончательную победу дуализма над его основными соперниками. Напротив, многие полагают, что все вышеперечисленные подходы к решению страдают от серьезных, и, возможно, даже фатальных изъянов. Поэтому многим философам, которые убеждены в реальности ментального, с одной стороны, и разделяют общенатуралистическую парадигму современной философии, сознания, с другой, в качестве подходящей альтернативы часто представляется именно панпсихизм, поскольку он признает реальность ментального в качестве естественного свойства базовых элементов бытия, способен предложить адекватную концепцию ментальной причинности и не нуждается в постулировании мистической эмерджентности ментальных свойств и субъектов из полностью лишенной сознания материи.

Авторы первых двух эссе сборника – Дэвид Чалмерс и Годехард Брунtrup – предлагают ответы на вопрос о концептуальном содержании панпсихизма. В своем эссе Чалмерс развивает диалектический, или как он сам его называет, «гегелевский аргумент», в пользу панпсихизма. Основная идея этого аргумента в том, что панпсихизм лучше своих ближайших конкурентов тем, что обладает преимуществами

каждого из них, но в то же время лишен их недостатков. В отличие от материализма, он не подвержен аргументу от представимости «зомби», и в отличие от дуализма, он способен интегрировать ментальные свойства в общую механику натуралистической причинности.

Чалмерс предлагает таксономию различных панпсихизмов, которую в целом можно считать общепринятой, хотя и не исчерпывающей. Прежде всего, он различает *конститутивный* и *неконститутивный панпсихизм*. Разница между ними состоит в том, что с точки зрения конститутивного панпсихизма ментальные свойства макрообъектов полностью конституируются ментальными свойствами микрообъектов, тогда как с точки зрения неконститутивного панпсихизма ментальные свойства макрообъектов невозможно вывести из ментальных свойств микрообъектов. Возникновение этих свойств требует того или иного типа эмерджентности. Сам Чалмерс симпатизирует тому, что он называет расселовским конститутивным панпсихизмом, хотя и не утверждает прямо его истинность. Он определяет его как точку зрения, согласно которой классическая физика описывает только реляционные свойства объекта, такие как масса, ускорение и т. п., но не его внутренние свойства, некоторые из которых могли бы быть феноменальными свойствами, присущими микрообъектам.

Годехард Брюнtrup в отличие Чалмерса симпатизирует неконститутивному, эмерджентному панпсихизму, при этом, однако, также воздерживаясь от утверждения его истинности. Одной из главных целей его эссе также является обоснование отдельности панпсихизма от других теорий сознания. Брюнtrup защищает тезис, что эмерджентный панпсихизм не сводится ни к идеализму, ни к субстанциальному дуализму. Он квалифицирует панпсихизм как «двухаспектный монизм», т. е. утверждение, что существует только один тип вещей, характеризующихся физическими и ментальными свойствами, признавая в то же время, что отличия панпсихизма от более простых форм монизма, таких как идеализм или физикализм, позволяют видеть в нем своего рода «сквозной дуализм» (dualism all the way down) в том смысле, что двойственность физического и ментального в нем сохраняется вплоть до самых нижних уровней реальности. Весьма убедительной представляется аргументация Брюнtrupa против попыток интерпретировать панпсихизм в духе расселовского нейтрального монизма, который понимается им как разновидность агностицизма в отношении последней природы реальности.

Во второй части сборника Гален Стросон, Юджин Нагасава совместно с Хаем Вейгером, Берит Брогаард и Грег Розенберг предлагают различные варианты панпсихических онтологий. Стросон пытается развивать панпсихическую метафизику, отождествляя первовещество реальности с переживанием (experientiality). В качестве спекулятивной гипотезы он утверждает метафизическую невозмож-

ность существования независимой от опыта материи. При этом эксплицитно настаивает на том, что его позиция не только совместима с физикализмом, но представляет собой реальный физикализм. Эссе Стросона содержит много неожиданных и даже экстравагантных ходов мысли, поэтому исчерпать ее содержание в кратком обзоре не представляется возможным.

Эссе двух авторов – Юджина Нагасавы и Хая Вейгера – предлагает совершенно иное понимание панпсихизма – космопсихизм. Космопсихизм утверждает, что субъектом изначального сознания является вселенная в целом, а не какие-либо отдельные ее части. Одним из важных мотивов для принятия космопсихизма для Нагасавы и Вейгера является то, что, по их мнению, истина физикализма и панпсихизма зависит от истины фундаментализма, понимаемого как утверждение, что существует фундаментальный, далее неделимый уровень материального мира, например, уровень элементарных частиц. Если фундаментализм ложен, то физикализм и панпсихизм также ложны. Космопсихизм, по мнению Нагасавы и Вейгера, свободен от этой проблемы, т. к. совместим с бесконечной делимостью материи.

В противоположном направлении движется онтологическая мысль Берит Брогаард. Она выступает за конститутивный панпсихизм, предлагая мыслить ментальное как разновидность некоего поля, имеющего основание в особых гипотетических частицах, которые она называет «ментонами». Брогаард проводит аналогию между феноменом гравитации и феноменом сознания. И тот, и другой хорошо знаком нам из повседневного опыта, но несмотря на это, они остаются таинственными для теоретического осмысления. Для объяснения первого было предположено существование особых частиц-переносчиков гравитационного взаимодействия, поэтому, если мы будем понимать сознание не как состояние организма в целом, а как более базовый феномен, то, по мнению автора, возможно, что его источником также следует считать какой-то особый тип частиц, ментоны.

Грег Розенберг в своем эссе предлагает оригинальный метафизический инструментарий, дающий, по его мнению, нам ключ к пониманию природы сознания. Свою метафизику сознания он называет теорией «естественных индивидов». Идея Розенберга состоит в том, чтобы пересмотреть содержание некоторых традиционных проблем, связанных с сознанием вообще и с панпсихизмом в частности. Он предлагает видеть в своем варианте панпсихизма не только решение психофизической проблемы, но и глобальную метафизику природы, в которой ментальность становится как бы несущей основой всего мироздания.

Третий раздел посвящен прояснению сущности т. н. «комбинаторной» проблемы и вариантам ее решения. Он открывается эссе Дэвида Чалмерса, в котором он, отталкиваясь от классического текста Уиль-

яма Джемса из *Принципов психологии*, пытается прояснить смысл данного возражения против панпсихизма. Он выделяет три разновидности «комбинаторной» проблемы. Во-первых, это проблема комбинирования субъектов, т. е. как некое множество субъектов способны объединиться в один единый субъект. Эта разновидность комбинаторной проблемы особенно остро стоит для сторонников конститутивно-го панпсихизма, которому симпатизирует и сам Чалмерс. Во-вторых, это проблема комбинирования качеств, суть которой состоит в том, как изначально небольшое количество микропереживаний способны дать гораздо большее количество качественных переживаний макроуровня. В-третьих, структурная комбинаторная проблема, под которой Чалмерс понимает несоответствие между структурой физических свойств и структурой феноменальных свойств макроуровня. Несмотря на то, что Чалмерс позитивно оценивает определенные подходы к решению некоторых аспектов комбинаторной проблемы, в целом он настроен весьма пессимистично, полагая, что пока нет перспективы единого решения для всех ее разновидностей.

Барбара Монтеро, напротив, утверждает, что классическая комбинаторная проблема не является реальной угрозой для панпсихизма, поскольку последний вовсе не требует того, чтобы группа микросубъектов объединялась в один большой макросубъект. Очевидно, что большинство не мыслит объединение нескольких атомов в одну молекулу как нечто концептуально невозможное, однако при этом не требуется полного слияния атомов в молекулу. Атомы и молекула скорее мыслятся как сущности, находящиеся на разных уровнях: атомы остаются на низшем уровне бытия, но, вступая между собой в определенные отношения, они вносят свой вклад в возникновение молекулы на более высоком уровне организации. Монтеро предлагает мыслить возникновение макросубъектов на основе микросубъектов аналогичным образом. Микросубъекты не сливаются в один макросубъект, а, вступая между собой в определенные отношения, образуют при определенных условиях субъект более высокого уровня, который мы можем понимать как разновидность социального или коллективного субъекта.

Уильям Сигер предлагает решение классической комбинаторной проблемы, опираясь на идеи Джемса и Уайтхеда. Он полагает, что неверно мыслить объединение микросубъектов в единый макросубъект по модели механического соединения. По его мнению, и в квантовой механике, и в классической физике есть примеры иных моделей объединения, такие, как, например, квантовая связанность или некоторые свойства черных дыр. Аналогичные процессы, по мнению Сигера, могли бы протекать и в области ментального. Несколько психических сущностей могли бы сливаться, образуя таким способом новую более интегрированную психическую сущность. В отличие от Монтеро, Сигер не считает, что подобный процесс должен носить иерархический

характер. В его понимании речь идет скорее об интеграции простых психических состояний в единое более сложное состояние в рамках одного онтологического уровня.

Сэм Колемэн напротив считает, что возникновение макросубъекта на основе взаимодействия субъектов микроуровня невозможно. Поэтому его решение комбинаторной проблемы предполагает отказ от классического панпсихизма, постулирующего существование переживающих субъектов на фундаментальном уровне бытия, в пользу панквалитативизма, утверждающего существование на этом уровне только лишь феноменальных свойств без переживающего субъекта. По его мнению, замена панпсихизма на панквалитативизм позволяет избежать неразрешимой проблемы комбинирования субъектов, тогда как проблема, с которой сталкиваются сторонники предпочитаемого им панквалитативизма, оказывается гораздо более легкой. В качестве ее решения Колемэн предлагает гипотезу, согласно которой феноменальные свойства представляют собой не дискретные, несовместимые между собой единицы, а некий континуум постепенно переходящих друг друга свойств не только в рамках одной сенсорной модальности, такой, например, как цвет, но и между различными модальностями: от вкусов к звукам, от звукам к цветам и т. п.

Филип Гофф обращается к комбинаторной проблеме в ее классической формулировке, рассматривая эпистемические и метафизические принципы, лежащие в основе аргумента против возможности того, что постулируемые панпсихизмом микросубъекты выступали бы в качестве основания для возникновения известных нам в повседневном опыте макросубъектов. Гофф полагает, что основным таким принципом является *принцип обособленности субъекта*. Принцип обособленности гласит, что для любой группы сознающих субъектов мыслимо/метафизически возможно, что она не образует никакой дальнейший сознающий субъект. Однако, как считает Гофф, из этой метафизической возможности нельзя сделать вывод, что микросубъекты не могут необходимым образом порождать макросубъект.

Последний раздел объединяет работы, посвященные основным альтернативам панпсихизму: материализму, нейтральному монизму, дуализму и идеализму. Брайен МакЛофлин в своем эссе «Ментальный кисель, магия или же всего лишь концептуальный разрыв?» отстаивает версию научного материализма в объяснении сознания, согласно которой квалиа метафизически тождественны нейробиологическим структурам мозга, несмотря на то, что данное тождество носит апостериорный характер и никогда не может быть продемонстрировано априори.

Ахим Штефан предлагает подробный сравнительный анализ эмерджентизма и панпсихизма. Он начинает с дилеммы, на которую ссылаются некоторые сторонники панпсихизма. Согласно этой дилем-

ме, если мы хотим оставаться в рамках натуралистической парадигмы объяснения сознания, то, поскольку физикализм не силах объяснить феноменальные свойства сознания, мы вынуждены выбирать между эмерджентизмом и панпсихизмом. По мнению Штефана, несмотря то, что сторонники панпсихизма настаивают на неинтеллектуальности эмерджентизма, внимательный анализ показывает, что различия между ним и панпсихизмом минимальны. Более того, они не в пользу последнего. При сравнении оказывается, что неправдоподобные следствия панпсихизма не способны перевесить те объяснительные преимущества, которые дает эта позиция.

Леопольд Штубенберг в своем эссе, посвященном сложным отношениям между современными версиями расселовского монизма и его первоисточником, воззрениями самого Рассела на природу «чувственных данных» и психофизическую проблему, приходит к выводу о том, что панпсихические варианты современного «расселианства» принципиально отличны от позиции Рассела. Одно из основных отличий заключается в том, что, с точки зрения Рассела, природа чувственных данных отлична как от физических, так и от ментальных свойств, и представляет собой нечто «нейтральное», из чего конструируются все остальные сущности. Другой важный вывод Штубенберга состоит в том, что несмотря на то, что на первый взгляд нейтральный монизм и панпсихизм являются логически взаимоисключающими позициями, в современных дискуссиях эти позиции имеют тенденцию к сближению вплоть до полного взаимоперехода.

В статье «Дуализм и панпсихизм» Чарльз Талиаферро предлагает синтез панпсихизма с дуализмом и теизмом, полагая, что от такого соединения эта позиция может только выиграть. Надо сказать, что эссе Талиаферро – это одна из немногих работ сборника, автор которой эксплицитно отказывается от натуралистической парадигмы, господствующей в современной философии сознания. Отталкиваясь от принципа эпистемического приоритета ментального над физическим, как оно понимается современными физикалистами, он утверждает, что панпсихизм может получить более глубокое обоснование в случае признания дуализма не только физических и ментальных свойств, но и дуализма человеческой личности и ее тела. Талиаферро полагает, что вопреки установкам большинства современных панпсихистов теистический дуализм способен лучше, чем натуралистические теории, обосновать присутствие сознания на всех уровнях мироздания. Более того, он утверждает, что не-натуралистическая версия панпсихизма неожиданным образом получает поддержку со стороны утверждений некоторых натуралистов, противников теизма. На мой взгляд, идеи Талиаферро заслуживают внимания на фоне доминирования натуралистического дискурса.

